

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню — а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Алексей открыл глаза, потому что сквозь сон почувствовал присутствие в комнате постороннего. Хотел вскочить сразу, но какая-то непонятная сила придавила его, не давая пошевелиться, сковала по рукам и ногам, сердце застучало быстрее, как поезд, набирающий ход, и от этой скорости перехватило дух и похолодело внутри. Теперь он знал точно, что кто-то, появившийся тихо и ниоткуда, стоит, таясь во мраке, невидимый на фоне черной стены... Он хотел закричать от проснувшегося в нем страха, даже ужаса, не известного ему прежде, оставляющего только одно желание — звать на помощь. Но не было ни сил, ни смелости, ни воли: все осталось там — за пределами сознания, за гранью его понимания и представлений о сущем. Прежнее пространство исчезло, унеся все с ним связанное: и слова, потерявшие смысл, и значения, и мысли, кроме одной, затухающей в своей безнадежности, — про смерть... Но и это страшное осознание исхода билось все медленнее... По-

езд начал останавливаться, возвращая привычные ощущения и осознание самого себя как предмета, застывшего между чужими и страшными мирами. Поезд останавливался, а с ним и сердце. Наконец оно совсем остановилось... И это тоже было страшно...

Тьма начинала редеть и стала превращаться в зернистый отпечаток с плохо проявленной черно-белой фотопленки... Мир начал светлеть, но лишь в одном месте — там, куда направил Алексей свой немигающий взгляд... Появилось пятно, которое разрасталось, превращаясь в силуэт, приближаясь медленно и неизбежно. Все вокруг стало проявляться... И теперь Алексей понял, кто к нему пришел.

— Как тебе, Леша? — спросил тесть с непривычной для него интонацией.

— Плохо, — само собой вылетело слово — единственное оставшееся в памяти.

Мертвый улыбнулся страшно и наклонился над лежащим живым. Или над притворяющимся живым? Жизнь осталась далеко — там, где не было тьмы и страха и куда возврата уже не будет...

— Помнишь? — спросил призрак тестя.

Алексей хотел кивнуть, но вдруг понял, что нельзя, потому что всякое согласие — это долгие годы печали... Но годы все вышли, впереди только вечность, и она, неизбежная, будет мрачной и страшной.

— Помнишь? — повторил тесть и еще раз улыбнулся, но теперь почти весело. — Ведь сегодня ровно двенадцать лет, как ты меня убил.

— А-а-а, — застонал Алексей и проснулся.

Он очнулся, но боялся открыть глаза, чтобы не оказаться там, откуда только что выпал. Не хотел смотреть, потому что действительность могла оказаться еще ужаснее. Он чувствовал под собой жесткую шконку, тяжелыми веками ощутил свет ночной лампы над дверью спального помещения барака... Чей-то тихий стон прозвучал совсем неподалеку, кто-то перевернулся с боку на бок... Пахло мужским потом и лизолом, словно кто-то лежащий совсем рядом на долгие годы пропитал им свои ноги, спасаясь от грибка. Все становилось привычным, обыденным и не таким страшным. Алексей попытался вспомнить, сколько дней осталось до окончания срока, но не смог. И это было удивительно, потому что каждое утро он знал, считал, надеялся... А сегодня не помнил, словно надежда пропала, вывалилась из дырявого кармана, как связка ключей, без которых не войти ни в одну знакомую дверь, не вернуться к прежней жизни, ожидающей его за стальными воротами колонии.

Снова застучало сердце. И опять пришел страх. Алексей понял, что проснулся не там — не в бараке, а совсем в другом времени, когда он, молодой, полный сил и любви, пробудился в камере

следственного изолятора на рассвете того самого дня — перед вынесением приговора. Тогда он надеялся, но теперь знает точно, что оправдательного решения не будет и срок ему дадут не условный... Будет двенадцать лет строгача. Но если он в камере, значит, все повторится снова? Все вернулось на круги своя, на двенадцать лет назад — в такой же год Крысы. В год подлой и мерзкой крысы, которая бежит по колесу, накручивая день за днем двенадцать лет, а потом возвращая Леху в тот день, с которого все началось, отмеряя ему новый срок и новые испытания. Сегодня День сурка — 2 февраля. День рождения и смерти тестя. День, когда тесть, успевший уже хряпнуть вискарика, сказал ему:

— Лешик, кто-то со счетов фирмы деньги крысит. Не знаешь кто?

— Не знаю, — честно ответил тогда Алексей.

— Правда? — весело ухмыльнулся Виктор Петрович. — А сдается мне, что эта крыса — ты.

Это было за полчаса до его смерти.

И все повторяется заново.

Раздался звонок. Знакомый и нудный, как напоминание о ничтожности человеческого бытия. Сейчас в коридоре ночной дневальный истошно заорет: «Отряд, подъем!» — и все пойдет по привычному кругу. Шесть утра.

Он на зоне, и это уже легче.

Глава вторая

Алексей открыл глаза, сел в постели и осмотрел комнату. Квадрат четыре на четыре с выгоревшими обоями, старым сервантом и древним креслом с хлипкими деревянными подлокотниками, перемотанными синей изоляционной лентой. Письменный стол, пара стульев и пустота, не считая тахты, на которой он сейчас сидит, — на ней четыре года назад умерла мать, не дождавшись...

Будильник на столе продолжал надрываться. Алексей поднялся и отключил его. Два месяца он на свободе, время идет, но только для других, для Лешки Метелина оно топчется на месте. Он скреб щеки тупой одноразовой бритвой, понимая, что надо купить приличный станок и хорошие лезвия, но средств на такую роскошь не было. Деньги, полученные при освобождении — почти полмиллиона рублей, — разошлись быстро: на обустройство могилы матери, на памятник, на стол, накрытый для соседей, которых не знал, но заставил их праздновать свое освобождение. Соседи говорили хорошие слова о его маме. А одна старушка, разглядывая несчастного парня, вдруг заплакала, что взбесило его. А еще пришлось покупать одежду: джинсы, майки, рубашки и даже приличный костюм, потому что он тупо надеялся найти приличную работу. Спортивный костюм «Пума» и фирменные кроссовки — дорогие, но он

привык когда-то к таким... А первые десять тысяч Алексей потратил еще в Вятке на проститутку, которую снял на вокзале. Она стонала и вскрикивала всю ночь, и царапала ему спину, отчаянно скрипели пружины старого дивана, а за стеной плакал от страха проснувшийся ребенок.

Утром он посмотрел на мальчика, которому было лет пять, и спросил девочку:

— Во сколько же ты родила?

— В восемнадцать, — ответила та, — с первого раза залетела. Мать к тому времени уже в другой город уехала: у нее новый муж и своя жизнь. А я перебралась к бабушке. Потом она умерла, и мне квартира досталась...

Она рассказывала, готовя ему завтрак, улыбаясь чему-то при этом. Алексей старался смотреть в сторону, потому что чувствовал себя неловко: улыбка случайной знакомой была светлой и доброй. Она не назвала цену за свои услуги, но он дал десять тысяч. Девчонка пошла его провожать и даже взяла с собой сына: на грязной от растаявшего снега платформе они смотрелись как семья. Девчонка улыбалась, а мальчик бегал по декабрьским лужам, разгоня голубиные стаи. Перед тем как сесть в вагон, Метелин подставил ей щеку для поцелуя.

— Ты очень добрый, — шепнула она, — я таких людей не встречала никогда.

Тут же сняла с себя и повесила на его шею темный крестик на тонкой серебряной цепочке.

— Прощай, Алексей — божий человек, — сказала она, улыбнулась радостно и смахнула слезу.

Но вся эта мелодрама осталась далеко, не оставив ничего в душе и на сердце. Сердце Лехи давно уже стало каменным, а душа сгорела, превратившись в покрытый копотью свечной огарок. Крестик Алексей снял с себя еще в поезде, бросил в боковой карман старой спортивной сумки.

Работу начал искать сразу по возвращении. Сначала съездил на кладбище и обо всем договорился, потом накрыл стол для соседей, еще пару дней мотался по магазинам. Получив паспорт, облачился в костюм и галстук, засунул ноги в приличные корочки и отправился в сторону светлой жизни. Но дорога туда была ему заказана. В хороших местах просили справку об отсутствии судимости, а в очень хороших не пускали на порог, как будто у него на лбу было написано «105 статья»¹.

Деньги кончились, работы не было, и вот уже две недели толкался Метелин возле гипермаркета, карауля пустые тележки, которые ленивые покупатели бросали на парковке. В каждой такой тележке в специальную прорезь была вставлена монетка — пятерик или десяточка. Тележку можно было вернуть в отведенный для них ряд, а монетку достать. В первый день за двенадцать часов привалило немного — меньше четырехсот

¹ 105 ст. УК РФ — убийство, умышленное причинение смерти другому человеку.

рублей. Зато он прихватил оброненный кем-то пакет с тремя яблоками, пачкой риса, упаковкой сосисок, банкой армянской аджики и коробочкой с тампаксами.

На второй день монеток было меньше, но Метелин подсуетился и подскочил к вышедшему из гипермаркета крупному мужику с нагруженной тележкой. Тот посмотрел на него и махнул рукой, показывая на припаркованный в пятидесяти шагах черный «Рендровер»:

— Помоги подкатить!

Уже подходя к своему внедорожнику, мужик спросил:

— Давно откинулся?

— Больше месяца как.

Мужик открыл багажник, Алексей загрузил туда покупки, а когда повернулся к хозяину машины, тот протянул ему тысячную:

— Держи косую.

На третий день он уже спешил к людям, чьи тележки были перегружены товаром. К старушкам, к молодым расфуфыренным фифам, к переполненным собственным достоинством барыгам, к мажорам на спортивных тачках... Кто-то давал деньги за помощь, кто-то — нет... Чаще всего говорили «спасибо», а могли и этого не сделать...

Метелин подошел к молодой паре. Беременная девушка и такой же молодой парень — неуклю-

жий, к тому же интеллигент в очках. Очкарик пытался толкать тележку, но колесики вывернулись и заблокировались. Интеллигент пыхтел, но сдвинуть тележку с места ему не удавалось. Алексей подскочил и спросил:

— Куда катить?

Ему указали на новенький белый паркетник.

И Метелин поспешил туда. Когда подошли к автомобилю, молодая женщина достала кошелек.

— Спасибо вам за помощь.

Она подняла глава и обомлела:

— Алексей Николаевич?...

— Вы обознались, — ответил Метелин, глядя в сторону.

— Алексей Николаевич, вы меня не узнаете?

Я — Лиля, ваша бывшая секретарша.

Молодая женщина смотрела на него с ужасом и сочувствием, губы ее дрожали, словно Лилия собиралась расплакаться.

— Вы обозна...

Метелин замолчал, потому что смысла продолжать не было.

— Как дела у тебя? — спросил он и поправился: — У вас?

— Все очень хорошо. Я теперь возглавляю секретариат заместителя директора юридического департамента. Фирма разрослась, у нас теперь холдинг, так что работы...

— Мне это неинтересно.